

Уже в десятых числах июля колхозники, рабочие и служащие Дона стали, волнуясь, ожидать известия о том, какой колхоз Ростовской области первым выполнит план государственных поставок хлеба. На уборку урожая были брошены все силы: днем и ночью урчали в степи тракторы и комбайны, звонко стрекотали лобогрейки, гудели по степным дорогам колонны грузовиков, стучали колесами длиннейшие обозы, увозящие на элеваторы полновесное, пахучее зерно нового урожая.

На Дону сотни хороших колхозов, все они почти одновременно начали выборочную косовицу, и даже в начале июля — в самый разгар жатвы колосовых — трудно было предсказать, какой колхоз выйдет вперед и первым выполнит слово, всенародно данное товарищу Сталину. Люди работали в поле не покладая рук. Почти все колхозники ночевали на полевых станах. Тысячи студентов и домашних хозяйств, учителей и учеников помогали колхозам убрать урожай, и каждый с нетерпением ждал, кому же выпадет высокая честь раньше всех рапортовать о победе?

Газеты ежедневно информировали о ходе уборки и хлебопоставок, и читатели знали: вперед выдвигаются колхозы самых прославленных районов Дона — Сальского и Целинского.

— Этим не впервой, — говорили станичники, — они всегда в голове идут.

Находились рьяные спорщики, держащие пари о том, какой из колхозов этих двух районов возьмет пальму первенства.

Двенадцатого июля, к вечеру, по всему Дону с быстротой молнии разнеслась весть: колхоз «Первое Мая», Развиленского района, первым по Ростовской области, в течение восемнадцати суток, полностью выполнил план поставок хлеба, сдал государству 7.206 центнеров зерна и, по решению колхозников, продолжает сдавать хлеб сверх плана. Радио и газеты сообщили трудящимся Дона имя председателя передового колхоза: Лука Андреевич Кобзарь.

Кобзарь получил много телеграмм и писем. Каждому хотелось побывать у него, пожать ему руку, поздравить с победой, посмотреть хозяйство колхоза, поучиться у Луки Андреевича организации труда. Люди понимали, это славная победа первомайцев — не трюковой рекорд, а результат тяжелой, большой, кропотливой, очень серьезной работы.

— Какой же он, этот Кобзарь? — интересовались люди — Хотя бы поглядеть на него да погугарить с ним!

Те, кто никогда не видел Луку Андреевича, почему-то представляли его кряжистым пожилым степняком, в выцветшей от солнца гимнастерке, с зычным голосом и резкими чертами лица. Таким он представлялся и мне.

И вот, совсем недавно, в один из холодных осенних дней я приехал в Развильную и спросил в райкоме партии о Кобзаре. Первый секретарь Развиленского райкома Гавриил Иванович Коваленко, услышав мой вопрос: каков Лука Андреевич? — многозначительно усмехнулся:

— Вы сегодня увидите его. А что касается того, каков он, то я могу рассказать вам один маленький эпизодик, который ярко рисует характер и авторитет Луки Андреевича.

И секретарь рассказал мне следующее:

— Давеча, объезжая колхозы, я остановил машину возле поля, на котором первомайцы поднимали зябь. Ну, как водится, вылез я из машины, гляжу — трактора пашут, а колхозный агротехник, этаким, знаете, степенный, немолодой уже человек, качество пахоты проверяет. Разговорились мы с ним по душам, и вдруг видим — на развиленской дороге показались дрожки. Заметив эти самые дрожки, агротехник вскочил, извинился передо мной и говорит: «Придется вас покинуть, товарищ секретарь райкома, потому что Лука Андреевич едет, а я в разговоре с вами не успел последние борозды проверить... мы уж после беседу свою закончим». Так и ушел, представьте себе!

Гавриил Иванович добродушно улыбается и заканчивает:

— Даже персона секретаря не остановила его. — авторитет председателя колхоза оказался, как говорится, на высоте!

Пока пара сытых донских коней увозила меня в колхоз, правленческий кучер, трогая добротной, смазанной дегтем вожжей лоснящиеся конские крупы, неторопливо говорил:

— Тому, кто не уважает артельный труд, в нашем колхозе не дюже сладко покажется. У нас люди к порядку приучены и лодырей не терпят!

Повернув загорелое лицо, кучер хитровато подмигивает мне:

— Аккурат перед жатвой два наших парня оженились, а невесты ихние из других колхозов оказались. Девки, прямо сказать, неплохие, даже интересные, только до работы слабоватые, видать, ниже средней активности, и приучены работать абы день до вечера. Как повели их молодые мужья в поле, да увидели энти самые девчата, как наш председатель Лука Андреич по минутной стрелочке труд оценивает и сам работает до седьмого пота, — переполошились они и спрашивают одна у другой: чи разводиться, значит, будем, чи трудоспособность свою повышать?

— Ну, и что?

— Ничего, привыкли! — смеется кучер, — У нас быстро перевоспитание устраивают, на чистую совесть работают!

После разговора с секретарем райкома и с правленческим кучером, я еще ярче представил могучую, как мне казалось, фигуру Луки Андреевича, его обветренное, непременно усатое лицо, грубоватый, с хрипотцей, голос.

С этой мыслью я постучался в кабинет председателя колхоза «Первое Мая».

На стенах просторного, светлого кабинета я увидел портреты Ленина и Сталина. По углам развешены алые, с золотистой бахромой знамена. У окна темнеет круглый репродуктор. Посреди комнаты стоит большой письменный стол, на котором аккуратно сложены папки с бумагами, высятся стопки исписанных и, должно быть, оставленных для справок блокнотов. Справа, возле блокнотов горка книг в коленкорových переплетах, слева — перекидной календарь на самодельной, искусно выточенной подставке. У дверей кабинета — диван для посетителей и над диваном предупреждающая табличка: «Не сорить!»

А вот и сам председатель колхоза. Тот самый Лука Андреевич.

За столом, в кресле, худощавый молодой человек. У него стройная фигура, чисто выбритое лицо, серые, с голубиной глаза, тонкие, румяные губы. Одет он в отлично сшитый черный пиджак, брюки-галифе и хромовые сапоги.

Привстав и отодвинув кресло, молодой человек произносит не громко:

— Кобзарь...

Несмотря на выработанную уже привычку держаться с уверенно-спокойным достоинством, в нем еще очень много застенчивости и непосредственности: когда речь заходит о его успехах, он смущенно хмурит брови, слегка краснеет и смешно покашливает, словно желает отвести эту неприятную тему и заговорить о чем-то другом. Только навязчивая манера часто поглядывать на часы выдает его внутреннюю собранность и мысль о том, что ему пора куда-то идти и что-то делать, или что-то вспомнить, очень важное и значительное...

Пока я был в колхозе «Первое Мая», агроном Гавриил Фролович Ефимов, местный учитель и многие колхозники рассказали мне о председателе колхоза.

Лука Андреевич Кобзарь родился и вырос в Развильной. Тут, в этой станице, расположенной развилком у степной балки, прошло его нерадостное детство. Тут жили его покойные дед и отец, многодетные бедняки, которые до революции выпрашивали у богатых казаков жалкие клочки земли для посева. В холмистой степи погиб расстрелянный белогвардейцами двоюродный брат Луки Андреевича, известный на всю округу красный партизан Иван Кобзарь. А в 1930 году, когда началась на Дону коллективизация, крестьянин-бедняк Андрей Матвеевич Кобзарь и его сын Лука, тонкий, как тростинка, паренек — первыми потупили в колхоз.

— Станем мы теперича, Лукашка, новую жизнь сооружать, — сказал старик сыну, — а старая нехай будет лихом помянута и недругам нашим присниться!

Четыре года работал парень рядовым колхозником, и какую бы работу он ни выполнял, все делал весело, горячо, быстро. После того как Лука Кобзарь отслужил положенный срок в армии, его назначили учетчиком полеводческой бригады а через год послали в Сальск, на курсы колхозных счетоводов. Там, на курсах, понял молодой Кобзарь, что социализма без точного плана и учета не построишь и что ход любой работы можно вперед предугадать до мелочей и успех ее подготовить и обеспечить

наверняка. Так он три с лишним года, до самого начала войны работал счетоводом в родном колхозе, и ни один из колхозников никогда не упрекнул его в ошибочных расчетах, нерадивости или лени.

24 июня 1941 года, оставив жену и детей, колхозный счетовод Лука Кобзарь вместе с другими отправился на фронт оборонять советскую землю от гитлеровских захватчиков. Как рядовой солдат, сражался он под Смоленском, под Гжатском и под Можайском, проходил через горящие, разрушенные деревня, спал на потрескавшейся, истоптанной, гудящей от взрывов земле...

Ранним осенним утром, на Бородинском поле, когда пехотный полк занял оборонительные позиции под Москвой, рядовой Лука Кобзарь подошел к комиссару батальона, поглядел на повитую холодным туманом землю и сказал застенчиво:

— Дайте мне, товарищ комиссар, рекомендацию в партию. Видно, тяжело нам будет в этом бою, и я хочу помереть коммунистом, чтоб дети мои честью и добрым словом меня помянули...

Комиссар дал Кобзарю рекомендацию и не ошибся. Отважный солдат ни разу не дрогнул в бою, а при форсировании реки Угры совершил славный подвиг, отбив с шестью товарищами сумасшедшую контратаку пьяных гитлеровских гренадеров. Командование наградило Кобзаря медалью «За отвагу». Потом, подрезая у вражеских окопов колючую проволоку, напоролся Кобзарь на немецкий секрет и был тяжело ранен в руку и ногу. По выходе из госпиталя он, как инвалид, был демобилизован и отправлен на родину.

В ноябре 1945 года колхозники Развиленской артели «Первое Мая» единогласно избрали Луку Андреевича своим председателем...

— Война научила меня ценить в труде каждую минуту, — задумчиво говорит Лука Андреевич, — и я понял, что загубленное понапрасну время может человека жизни лишить. Наверное, с тех пор я и пристрастился к часам, не могу с ними расстаться...

Присев на ступеньки дрожek, он обводит взглядом вечереющую степь и рассказывает тихо:

— Когда колхозники уговорили меня принять руководство, обошел я артельное хозяйство и мучительно мне стало. Немцы поразорили у нас всё чисто: молочную ферму разрушили, птичник сожгли, инвентарь разломали и пораскидали так, что концов не найдешь... До чего ни кинешься, всюду нехватки, прорывы, всюду дыра на дыре. Тут хоть у кого руки опустятся. По правде сказать, тяжело было тогда у меня на душе, но признал я, что негоже мне, как коммунисту, отступать перед трудностями, а надо самому работать и людей за собою вести...

Лука Андреевич некоторое время молчит, потом протягивает руку в сторону стоящего на холме птичника, вокруг которого, розовея в лучах заходящего солнца, разгуливают сотни белых кур-леггорнов.

— Вот, видали? Построили мы новый птичник, построили молочную ферму, два общих дома в степи для бригад, потом стали строить зернохранилища, овчарню, дом для тракторного отряда, свиноферму, мельницу... За два года восстановили почти все разрушенное.

— Дружно работали колхозники? - спрашиваю я.

— В общем, конечно, дружно, — отвечает Лука Андреевич, — но, как говорится, в семье бывают уроды. Трудовая дисциплина была у нас расшатана. Кое-кто на своем индивидуальном участке, как суслик в норе, окопался, а колхозную работу ни в грош не ставил... Были и такие, что выходили в бригаду для близиру: поковыряются в поле часок-другой и скорее до дому поспешают, а трудодни им идут. Пришлось, конечно, с этим явлением бороться и людей на путь истинный наставлять... А в нашей степи борьба — нелегкое дело...

Чуть всхолмленная степь, в которой расположены земли колхоза «Первое Мая», имеет свои особенности: урожайная, многородящая, она на сотни километров открыта для всех ветров, и, если вдруг задует весной страшный астраханский суховей, неделями несется над степью пыльная мгла, и неумолимый жадный ветер иссушает землю, выдувает из почвы множество зерен, кромсает, рвет и вздымает к палящему небу миллиарды слабых, еще не окрепших пшеничных корешков. В пору суховея обычно пропадают или совершенно истощаются все посевы в степи. В таких случаях единственным спасением от грозного ветра могут стать полезащитные лесополосы, которые ослабляют силу суховея и способствуют сохранению повышенной влажности почвы.

Колхоз «Первое Мая» уже высадил целый ряд таких лесополос, и сейчас, по инициативе Луки Андреевича Кобзаря, вспахал под посадку деревьев семь гектаров земли и завез из Сальского лесопитомника саженцы татарского клена, ясеня, вяза.

Осматривая пахоту и остро пахнувшие влажной землей корни молодых саженцев, Лука Андреевич не устал повторять колхозникам понравившиеся ему мичуринские слова:

— Мы не можем, братцы, ждать милостей от природы! Урожай надо подготовить, застраховать от всяких случайностей и взять его умным трудом!

И первомайцы из года и год расширяли на своей земле зоны полезащитных посадок, для сохранения влаги сооружали искусственные пруды, щедро применяли минеральные удобрения. Именно поэтому за последние три года колхоз «Первое Мая» ни разу не испытал большого урона от суховея и не задолжал государству ни одного килограмма зерна. Так было и в нынешнем году.

Еще задолго до уборки урожая Лука Андреевич спланировал и подготовил работу по каждой бригаде в отдельности. Инвентарь был отремонтирован досрочно, рабочие воли и кони закреплены за определенными людьми. Правление выделило особую транспортную бригаду, которая круглосуточно должна была возить зерно с токов на элеватор. Во главе этой бригады поставили отличную колхозницу Зинаиду Остапенко.

Секретарь партийной организации колхоза Ефим Мартынович Коряка и секретарь комсомольской организации Миша Афанасьев выделили коммунистов и комсомольцев на самые ответственные участки работы. Комбайнеры Николай Некрасов и Пантелей Брагин были предупреждены о том, что колхоз, выполняя слово, данное товарищу Сталину, готовится выполнить план хлебопоставок в предельно сжатые сроки. Это хорошо знали и сменные скидальщики четырех лобогреек, и трактористы, и сортировщицы, и подвозчики горючего, и каждый, кто 24 июня вышел в генеральный бой за урожай.

— Ну, товарищи! — сказал Лука Андреевич, — предупреждаю вас, что в этом бою мы все будем измерять время не сутками и не часами, а минутами и секундами. Сто восемьдесят шесть трудоспособных колхозников, работающих одну минуту, — это три часа и шесть минут труда, а в таком великом деле даже секунда может решить успех!

За восемнадцать суток колхозники сдали государству 7.206 центнеров хлеба, через пятнадцать дней полностью завершили уборку и обмолот зерновых, а еще через несколько суток, по своей доброй воле и желанию, дополнительно дали государству более шести тысяч пудов зерна.

— Мы не можем быть должниками, — заключал Лука Андреевич, — потому что мы знаем, куда у нас в государстве идет каждый килограмм хлеба или мяса...

Первомайцы перевыполнили план мясопоставок, шерсти сдали больше, чем требовалось. Вместо предусмотренных по плану 39.000 литров молока, сдали 47.000 литров. Когда государство объявило о выпуске нового займа, колхозники этой артели в течение одних суток внесли наличными 24.500 рублей.

Лука Андреевич с гордостью рассказывает о том, как колхоз в этом году расплатился с отлично работающими людьми и что колхозникам было начислено на трудодень:

— В колхозе работающему человеку не положено бедовать, — говорит он, — у нас каждому дано по его труду. Мы начислили на трудодень по четыре килограмма зерна, деньгами полтора рубля, шерсть, мед. Такие колхозницы как Федосья Даниловна Будко или Анисья Трофимовна Алтухова, или же, к примеру сказать, тракторист Николай Банько да и многие другие — своим честным трудом заслужили высокую оплату...

Сам Лука Андреевич работает днем и ночью, и люди не знают, когда их председатель отдыхает. Вечерами он подолгу планирует общую работу колхоза на завтрашний день, причем предусматривает в своем плане не только задания двум большим полеводческим бригадам (а в каждой из них по 60 человек), МТФ или свиноферме, но и намечает работу десяткам отдельных колхозников: плотникам, кузнецам, огородникам, конюхам, строителям. Сидя над блокнотом, он подсчитывает каждый гвоздь, каждую доску, каждый килограмм солидола или оконной замазки. Люди уже давно спят, а в председательском окне все еще светится лампа и видна склоненная над столом фигура Луки Андреевича.

В пять часов утра Лука Андреевич уже на ногах. Не суетясь и не будоража людей попусту, он топорливо объезжает хозяйство колхоза: побывает на молочно-товарной ферме (она расположена в девяти километрах от главной усадьбы), поглядит гуляющую в степи овечью отару и поговорит с чабаном Степаном Пигуновым. Заедет на свиноферму и расспросит старшую на ферме Лукерью Васильевну о состоянии племенных маток и поросят. Даст указания поднимающим зябь трактористам. Намелит деду-стекольщику срок ремонта конюшенных окон.

При этом Лука Андреевич не раздражается, не кричит, не отменяет, как это у нас подчас случается, им же данных приказаний и никогда не повторяет их дважды. Спокойной и вразумительно он растолкует человеку, что надо делать и, если уж его собеседник оказывается слишком словоохотливым, председатель колхоза демонстративно смотрит на свои ручные часы и говорит с безукоризненной вежливостью, хотя и несколько суховаго:

— Извиняюсь. Время дорого, а мы с вами заговорились. И вам и мне пора работать...

Лука Андреевич не любит председателей-диктаторов и уважает свое колхозное правление, с которым постоянно советуется и обсуждает все важные вопросы.

В правление избраны самые достойные люди, опытные и активные колхозники, которые могут постоянно помочь в работе: секретарь партийной организации агротехник Ефим Мартынович Коряка, инвалид войны Ефим Федосеевич Таран, лучшие звеньевые Таня Переходько и Анастасия Ильинична Прокопцова, старший конюх Александр Данилович Соломка и ветеринарный санитар Дмитрий Антонович Соломка.

Все эти люди, занятые на различных участках работы, любят своего председателя и помогают ему в каждом мероприятии. Они живо обсуждают текущие колхозные дела, постоянно вносят свои предложения и решают вопросы коллегиально.

Между прочим, на всех заседаниях правления обычно присутствуют особо приглашенные колхозники: часть, самых передовых; часть наиболее отсталых, уклоняющихся от выполнения заданий. Лука Андреевич любит свести таких непохожих друг на друга людей лицом к лицу.

— Нехай поближе встретятся люди, — посмеивается, он, — это полезно для отстающих. А то на общих собраниях накапливается много дел, а лодыри по уголкам сидят да помалкивают. Тут же, на правлении, особый разговор получается — начистоту. Потом, глядишь, человек послушает, что к чему, и совесть в нем пробуждается...

Лука Андреевич никогда не удовлетворяется достигнутым. Его жадно ищущая, беспокойная натура постоянно требует новых дел. При этом, ставя перед собой большие вопросы, председатель колхоза стремится воодушевить кипучей энергией всех руководимых им людей и обязательно добивается успешного выполнения любой трезво поставленной, тщательно продуманной и подготовленной задачи.

Так, например, в Развиленском районе обычно строят дома и все служебные помещения из земляного сырца-самана. Никаких других строительных материалов бескрайняя степь не дает. Саманные же стены быстро портятся, разрушаются, требуют постоянного ремонта.

Мечтая о развитии колхоза, Лука Андреевич задумал строительство своего кирпичного заводика. Он созвал заседание правления, сделал необходимые расчеты, добыл литературу, выделил для работы пятерых колхозников — и в этом году первые двадцать пять тысяч отличного жженого кирпича были сложены на колхозном дворе.

— В сорок девятом году мы дадим сто тысяч штук кирпича, — доложил Лука Андреевич колхозникам, — и развернем большое строительство. Надо, чтобы колхоз принял культурный вид и чтоб каждое наше помещение соответствовало новым задачам...

В нынешнем году колхоз «Первое Мая» своими силами и на свои средства построил просторную, с железной крышей, школу, в светлых классах которой уже учится колхозная детвора.

Недавно с помощью соседних колхозов первомайцы начали сооружение плотины для огромного пруда, развернули в степи работу по строительству цементированных колодцев, запланировали закладку садов и виноградников.

— Чего ради мы должны мучиться в безводной степи? — спрашивал Лука Андреевич колхозников. — Раз по соседству, в Зеленем Гае, растут фруктовые деревья и виноград дает хороший урожай, значит, и у нас это будет. Не надо верить сказкам про бесплодную землю. Землей должен командовать человек!

На письменном столе Луки Андреевича лежат десятки книг и брошюр по сельскому хозяйству. Он внимательно изучает работы Мичурина, Вильямса, Лысенко, советуется с агрономами и мечтает о том, чтобы колхоз по-настоящему освоил травопольный севооборот и резко повысил урожайность хлебов.

— Планы у нас широкие, — серьезно и строго говорит он, — социалистические планы. Тесных рамок наш колхозник не любит! Вот, к примеру, по районному заданию мы в 1950 году должны получить урожай озимой по двадцать центнеров с гектара. А мы, представьте себе, уже получили по два-

дцать два! Или, скажем, овцы... Нам запланировали к концу пятилетки тысячу сто овец. А у нас в отаре их уже ходит тысяча триста штук. То же самое и с крупным рогатым скотом, и с посевом озимых. План говорит, что в нынешнем году мы обязаны засеять пятьсот двадцать три гектара озимой, а засеяли мы шестьсот сорок! Следовательно, мы можем строить более широкие планы...

Когда Лука Андреевич прочитал в газетах постановление Совета Министров и ЦК ВКП(б) о лесонасаждениях, прудах и травопольных севооборотах, когда он увидел карту этих невиданных по своей грандиозности мероприятий, густой румянец радости и волнения покрыл его лицо и он, сдерживая себя, произнес совсем тихо:

— Вот она, дорога к коммунизму... Нехай там атомщики норовят из солнца убийцу сделать, нехай как хотят куражатся и гопки скачут от злости, а наш советский народ миру правду людскую покажет и дорогу истинную людям найдет...